

Игорь Бестужев

КНУТ ГАМСУН

(1859-1952)

«Он пишет так же, как говорит, как думает, как мечтает, как поет птица, как растет дерево. Все его отступления, сказки, сны, восторги, бред, которые были бы нелепы и тяжелы у другого, составляют его тонкую и пышную прелесть... И самый язык его неподражаем – этот небрежный, интимный, с грубоватым юмором, непринужденный и несколько растрепанный разговорный язык, которым он как будто бы рассказывает свои повести, один на один, самому близкому человеку, и за которым так и чувствуется живой жест, презрительный блеск глаз и нежная улыбка. Но имя Гамсуна останется навсегда на земле вместе с именами всех тех художников прошедших и грядущих веков, которые возносят в бесконечную высь ценность человеческой личности, всемогущую силу красоты и прелесть существования и доказывают нам, что «сильна как смерть любовь» и что ничтожны и презренны все усилия опутать ее цепями условности».

А.И.Куприн /1908г./

«Европейскую культуру не обидно принять из рук стихийного борца за нее, норвежца».

М.М.Пришвин /1905г./

4 августа 2009г. исполнилось 150 лет со дня рождения крупнейшего европейского писателя, норвежца Кнута Гамсуна, обретшего огромную популярность во второй половине XIX и начале XX века в Европе, особенно в Германии и России. – Две круп-

нейшие континентальные страны привлекали писателя яркой самобытностью и особым весом в мировой политике, который Гамсун оценивал с философской глубиной и дальновидной убежденностью. В 1905г. он заключил договор с русским издательством «Знание» на эксклюзивное издание своих книг. Все крупные писатели России восхищались его творчеством: Горький, Куприн, Блок... Чехов назвал «Пана» «чудесным, изумительным романом». Для Блока Гамсун – «утонченный поэт железных ночей, северных закатов, звенящих колокольчиков, проникший в тайны природы». До 1934г., когда вышел последний роман трилогии об Августе, Горький неустанно пропагандировал его творчество. В 1970г. издательство «Художественная литература» выпустило двухтомник Гамсуна, сразу ставший библиографической редкостью. С 1990г. новое открытие писателя сопровождалось многочисленным изданием его сочинений.

К этому времени с Гамсуна было стерто клеймо сотрудничества с норвежским национал-социализмом, приклеенное к нему европейскими политиками. – Презрение Гамсуна к демократии привело его в конце 30-х годов XX века к союзу с политическими силами, стремившимися воплотить общественную дисциплину и социальный порядок, противоположные демократической разнузданности и социальному хаосу. Поражение этих сил, не нашедших верного пути к осуществлению своих замыслов, открыло дорогу тотальным разрушительным процессам в мире, которые предрекал великий норвежец.

Гамсун родился в семье деревенского портного и в детстве жил в городке Нурланн на севере Норвегии, где его отец занимался сельским хозяйством в маленькой усадьбе *Гамсунд* /Кнут Педерсен Гамсунд – так он писал свое имя в детстве/. Отец Гамсуна был небогатым портным, привыкшим, однако, к лому и заступу. Его мать Тора, красивая и тихая женщина, обладала художественными задатками, хорошо танцевала и придумывала сказки детям. С девяти лет, отданный в работу за долги отца, мальчик жил у своего дяди Ульсена, принуждавшего Кнута к тяжелому труду: ношению воды, рубке дров... К счастью мальчик был физически развит не по летам /богатырскую статью Гамсун сохранил до конца жизни/. Он скудно питался, получая больше затрещин, чем еды. Его нередко мучил голод, /так случилось, что Гамсун и в будущем нередко вел полуголодное существование/. Зимой Кнут разносил почту по глубокому снегу. Дядя часто порол мальчика и пугал его картинами ада. В четырнадцать лет с одра умиравшего дяди Кнут убежал домой.

Он был высоким сильным парнем. Богатая внутренняя жизнь Кнута отражалась в спокойных, задумчивых глазах. Работая у своего крестного отца в мелочной лавке, он занимался у пастора Халлинга, говорившего, что «из мальчика выйдет большой человек». В лавке, бывшей местом встреч множества людей, Кнут изучал всевозможные характеры, закладывая основу глубокого психологического проникновения в их внутреннюю жизнь. Через год Гамсун поссорился с крестным отцом и ушел работать мелким приказчиком к богатому торговцу Валсе. Когда тот разорился, Кнут стал коробейником, разнося по усадьбам мелкие товары. И вновь он впитывал впечатления, переработанные впоследствии в массу творческих деталей. Два года Кнут торговал, странствуя по Норвегии, а зимой жил дома в Гамсунде в относительном благополучии благодаря заработанным деньгам. В семнадцать лет он стал учеником сапожника в Буде, потом работал грузчиком на пристани, приказчиком в лавке...

Постепенно Гамсун стал записывать увиденное и услышанное. Наряду с прозой в нем рано обнаружился стихотворный талант. В Буде он сочинил небольшую поэму о своей первой любви. Ее напечатал в Тромсе знакомый владелец типографии. Вторую книгу Гамсун написал прозой, не запомнив ее названия. Затем последовал длинный рассказ в стихах о немце-отшельнике. Запутанный язык этих произведений содержал отдельные красочные элементы, по которым внимательный исследователь литературы мог судить о литературных способностях еще не нашедшего собственный стиль автора. В это время Кнут выполнял канцелярскую работу у ленсмана Нурдаля.

Ленсман оказался довольно образованным человеком и не мешал юноше читать в промежутках между делами. Норвежский классик Бьернсон тогда стал литературным кумиром Гамсуна на многие годы.

Девушки были забыты. Теперь Кнут пишет повесть «Бьергер» о любви бедного юноши к богатой девушке. – Она умирает, а юноша становится поэтом. В этом наивном произведении появилась главная тема будущего зрелого Гамсуна – страстная любовь, несущая в себе страдание. Сомнения исчезли. Он должен стать писателем. С этого времени Кнут упорно идет к своей цели. Творчеству, однако, мешает работа – повестки, аукционы, опись имущества и т.п. По предложению заезжего пастора, увлеченного серьезностью юноши, после небольшого испытания он становится школьным учителем, наставляя детей и подростков немногим моложе его.

В 1879г. «Бьергер» был опубликован. Книга хорошо подавалась, но на ее публикацию были израсходованы все деньги, а поступления от продажи ожидались не скоро. Добрый христианин Цаль дал ему тысячу крон и поощрил к писательской деятельности. – В будущем чуткие люди не раз помогали Гамсуну выбираться из трудностей. В 1916г. Кнут Гамсун писал в студенческой газете «Ундер Дюскен»: «Этим людям с тонким умом и отеческой любовью к ближнему было присуще чувство ответственности за свой народ. Кто теперь обладает материальной и интеллектуальной возможностью помогать подающим надежды молодым людям? Современные богачи – это предприниматели, им не свойственна отеческая любовь к своим подданным. Станет ли коммуна воспитывать гениев?» – В ёмкое слово «коммуна» писатель вложил пренебрежение к распространенному общественному явлению, замещающему работу личностей по умножению культуры суррогатом мещанского благополучия.

Поощренный Цалем, Гамсун отправился в Копенгаген к крупному издателю Фредерику Гегелю, печатавшему всех видных норвежских писателей. Он вез сборник стихов и крестьянскую повесть «Фрида». Гегель отказал Гамсуну, не выразив ни слова в одобрение, хотя в этих книгах были красивые образы и свежие стихотворные ритмы. Старый норвежский поэт А.Мунк также не одобрил повесть. Тогда Гамсун обратился к Бьернсону, но и ему не понравилась «Фрида». Всё это не обескуражило молодого писателя, уверенного в своем призвании. Гамсун поселился в норвежской столице Христиании, куда Цаль вновь переслал ему немного денег. По совету Бьернсона, впечатленного выразительным чтением Гамсуна вслух, он попытался начать театральную карьеру, но известный актер Й. Селмер посоветовал ему оставить это занятие. «Возможно, когда-нибудь вы станете великим человеком, но только не актером», – сказал он.

Всё это время Гамсун искал новую форму и стиль для своих произведений. Бьернсон стал ему опасен, так как восхищение этим крупным писателем хранило опасность подражания. Знакомство с «королем датской поэзии» Хольгером Драхманом и особенно с известным датским критиком еврейского происхождения Георгом Брандесом показали Гамсуну новые горизонты. Впрочем, отвергавший всякую романтику Брандес сразу же поселил в его душу смуту, а затем лишил всех иллюзий. Впоследствии он неотступно комментировал творчество Гамсуна, словно выискивая в нем несовершенства и слабости. Однако это побудило писателя много и серьезно думать.

Между тем, к Гамсуну пришли бедность и лишения. Он опустился и голодал всю зиму 1880г. – Через шесть лет Гамсун описал это состояние в одном из своих лучших романов «Голод». Тогда выручала лишь переписка бумаг. Затем директор государственной фирмы Краг взял Гамсуна на работу по строительству дорог. Сочувствовавшие рабочие видели, что ему не место среди них. В свободное время Гамсун часто играл в карты и, наконец, проигрался /это увлечение сопровождало его и в зрелые годы/. Случайно он познакомился с управляющим спичечной фабрики Нильсом Фресландом, ставшим впоследствии его добрым другом. Переписка бумаг у Фресланда оставляла Гамсуну много времени для творчества. Он упорно работал, отправляя

статьи в газеты и журналы, но их нигде не принимали, несмотря на определенные достоинства хорошо обдуманных и выверенных по стилю текстов. Но Гамсун был тверд и продолжал писать, уверенный в конечном успехе. Личная жизнь писателя изобиловала увлечениями, его любили девушки. Чувство юмора и замечательный дар убеждения помогали Гамсуну и в лекционной работе, ставшей его постоянным спутником.

В Йевике он в первый раз прочел лекцию о литературе. Среди шести присутствовавших был редактор местной газеты Ю. Энгер, писавший потом: «Вначале Гамсун говорил нерешительно и медленно, но потом разошелся и явил ораторское искусство необычайной силы. Лекция была насыщена яркими, образными метафорами, острыми замечаниями и тонким лирическим проникновением. Никогда в жизни я не слышал ничего подобного». – Несомненно, лекции Гамсуна, имевшие самостоятельную ценность, были в то же время составной частью подготовительной литературной работы.

В 1882г. Н. Фресланд дал писателю четыреста крон для задуманной поездки в Америку, и зимой Гамсун отправился за океан с рекомендательным письмом от великодушного Бьернсона, который по-прежнему не верил в его талант. Профессор скандинавской литературы в г. Мэдисон, американец норвежского происхождения Андерсон, друг и поклонник Ибсена и Бьернсона, был человеком подозрительным и поверхностным. Он с недоверием отнесся к Гамсуну. Брат, живший в Америке, также не помог писателю, проведшему два мучительных года в этой стране. Он работал на ферме, пас свиней, был приказчиком в лавке и конторщиком у торговца в штате Висконсин. Тяжелая работа почти не оставляла времени для творчества. Здесь Гамсун выучил английский язык и познакомился с книгами Твена, Лонгфелло, Уитмена, Эмерсона..., а также нашел нового друга – школьного учителя Г.М. Джонсона.

Сильное впечатление произвел на Гамсуна Марк Твен. Его очаровал близкий к разговорному литературный язык Твена, впечатляющая народность, далекая от вульгарного подражания, которое использовали второстепенные американские писатели. Гамсун признал Марка Твена своим первым учителем в «точности языка». Это суждение поучительно из-за глубокого неприятия норвежским писателем некоторых сторон английской речевой культуры. Он находил общеупотребительный английский язык «слишком бескровным, слишком избитым и совершенно невыразительным – таким языком можно описывать лишь старую английскую цивилизацию... Язык же Марка Твена – намеренное смешение языковых оборотов самых разных слоев общества и новых словообразований – сильных, гибких, смелых выражений, этих новых побегов на старом языковом стволе».

Однажды во время работы Гамсун встретился с норвежским писателем и священником-унитаристом К. Янсоном, проникшимся уважением к высокому молодому человеку с аристократическими чертами лица, который, будучи совершенно равнодушным к религии, согласился стать его секретарем в Миннеаполисе. Наконец-то Кнут Гамсун попал в подобающую ему среду. Музыкальная, интересовавшаяся литературой фру Янсон, была очаровательной, тонкой и умной женщиной. В доме этой четы писатель встречался с норвежскими интеллектуалами, покоряя гостей ораторским даром. Гамсун иногда публиковал в газетах Миннеаполиса литературные заметки, статьи о европейских писателях и выдающихся деятелях культуры, а также с успехом ораторствовал в воскресной школе унитаристской общины и продолжал упорно искать собственный литературный стиль.

Осенью 1884г. Гамсун тяжело заболел. Врачи определили скоротечную чахотку. Он становится набожным, но одновременно растет сопротивление болезни. Неожиданно-быстрое выздоровление Гамсуна – пример действия необыкновенной силы воли и здоровой наследственности. Он продолжает сочинять стихи, наброски, зарисовки, отрывки и пишет Фресланду: «Всё, относящееся к моему творчеству, – теоретиче-

ское осмысление, предварительные разработки, – всё это дается мне в каком-то озарении, оно же подсказывает мне и форму, в которую это нужно облечь... Звуки и ритмы я ловлю на лету, они представляются мне яркими линиями, вроде зигзагов молний, я слежу за ними взглядом, слышу их, ощущаю всеми своими чувствами».

После выздоровления Гамсун вернулся в Норвегию. За годы болезни он удивительно возмужал и словно по волшебству нашел свою манеру письма, которую сохранил на всю жизнь. Отточенный, прозрачный стиль отличает все статьи, написанные им в горном Эурдале, где он жил в гостинице своего друга Фрюделунда. Редактор газеты «Дагбладет» Ларс Холст регулярно предоставлял ему страницы. С этого времени писатель перешел на литературную фамилию *Гамсун* /без «д» на конце/. Зимой 1885г. он вернулся в Христианию – небольшой столичный город с условно-культурной жизнью и мещанской психологией населения. В это время в Норвегии шла борьба между одобряемой властью конформистской культурой и либеральной частью общества, требующей безусловной свободы. Гамсун стоял в стороне от этой схватки, но его интересовали нападки норвежских классиков – Бьернсона и А. Хьеллана на христианство и радикальные представители литературной богемы.

Он читал романы основателя новонорвежской литературы А. Гарборга и знал, что в одно из местных кафе ходит столп «Движения богемы» писатель Ханс Йегер; познакомился с Христианом Крогом, шокировавшим дерзостью своих статей, речей и живописи. Но радикалы и богема – эксцентричная изнанка буржуазии – были чужды Гамсуну, соединявшему в своем творчестве поиски свободы с культурной основательностью, отличавшей классическую литературу. Писатель уже выработал в себе противоядие к обеим крайностям этой яростной полемики. Возможно, поэтому город был еще равнодушен к его творчеству. Интересно, что Гарборгу не понравились его книги: «Ваши произведения какие-то чужеродные. Вы слишком много заимствуете у русских, например, у Достоевского». Гамсун же утверждал, что не знает ни одного русского писателя и не читал Достоевского. Скорее всего, подмеченное Гарборгом сходство было вызвано углублением в психологию героев в ранних произведениях Гамсуна. – Это качество он сохранил и довел до совершенства в своих лучших книгах.

Кнут Гамсун не нашел себе места в столице. Деньги кончились, а работы не было. Он лихорадочно, бесконечно писал. Редкие и превосходные статьи Гамсуна в «Дагбладет» не привлекали внимания. Он голодал, лишился крова и ночевал в сараях. И вновь его спас богатый торговец и меценат Дублауг. На его деньги Гамсун в 1886г. снова уехал в Америку. Эта страна привлекала его бесконечной новизной и как самый подходящий объект для высмеивания демократии, в которую писатель никогда не верил. Но литературой не удавалось здесь прокормиться, и Гамсун выполнял «адскую черную работу» на железной дороге в Чикаго за 1,75 дол. в день. Потом он работал трамвайным кондуктором и вновь обеднел. Работа на фермах в Северной Дакоте осенью 1887г. отразилась в рассказах «Жизнь бродяги», «В прериях».

Гамсун активно интересовался политикой. Когда в Америке повесили нескольких анархистов, поспешно обвиненных в подготовке терактов, он ходил с черным бантом в петлице. «Особенность американской свободы, – писал тогда Гамсун, расширив тему, – в том, что она требует определенного числа мыслящих людей, не больше и не меньше. Если это число колеблется в ту или другую сторону, она становится нетерпимой, как средневековый деспот. Она слишком консервативна, чтобы сдвинуться с места, на котором простояла двести лет и стоит по сей день, время несколько не повлияло на ее форму. Ибо американская свобода утвердила демократию законом... Свобода не для личности, но для толпы, для всех» /любопытно дополнить это суждение словами известного парадоксалиста Оскара Уайльда: «Молодость – самая старая из американских традиций. Ей уже двести лет»/.

Не признанный в американском обществе как писатель, Гамсун, ораторствуя, привлекал внимание в городских залах. Весной 1888г. он прочел прощальную лекцию, атакуя американскую свободу, духовную жизнь и нравственность. Норвежская община в США устроила ему заем, и летом Гамсун покинул Америку. Сутки в порту Копенгагена – культурном центре Скандинавии – неожиданно высвободили в писателе мощные силы, которые в ближайшие месяцы обеспечили ему громкий успех. «Это было, когда я голодал в Христиании», – начал Гамсун знаменитый роман «Голод». За один присест он написал три первые главы, не отвлекаясь на еду и боясь отдохнуть. Никогда Гамсун не работал так интенсивно, бессознательно достигнув ясности мысли, которую дает голод. Он вспоминал, как без куска хлеба закладывал последние вещи... Дописав книгу, Гамсун отнес её влиятельному брату Георга Брандеса Эдварду, редактору ведущей датской газеты «Политика», и тот был зачарован романом, добившись публикации отрывков в журнале «Ню Юрд», печатавшем Августа Стриндберга и других мэтров литературы.

В ноябре 1888г. «Голод» опубликовали анонимно, и о Гамсуне заговорили в литературных кругах Дании, а затем в Норвегии. Критики единодушно отметили необычное настроение романа, смелый, лаконичный и образный язык, особенную мелодичность текста. Норвежские газеты гадали – кто автор? Затем известное издательство «П.Г. Филлипсен» выпустило роман, уплатив Гамсуну авансом значительную сумму – сто крон, которые тут же ушли на оплату долгов. – Щепетильный в финансовых вопросах писатель при малейшей возможности расплачивался с кредиторами. Но его нервы на пределе. Он не ел по четыре дня подряд и вновь просит о помощи. Издатель «Библиотеки для тысячи домов» Ю. Серенсен был одним из многих, кто помогал Гамсуну в трудные годы. Он и датский новеллист Эрик Скрам /1874-1923/ выручили писателя.

Пошатнувшееся здоровье /кровь из горла/ заставило Гамсуна дать себе довольно длительную передышку. Он вновь уехал в Христианию, а в 1889г. вернулся в Копенгаген. Той же весной большой очерк «О духовной жизни современной Америки» вышел отдельной книгой. Издатель Филлипсен советовал Гамсуну выбросить из его книг упоминание о «черни», так как «чернь» и есть тысячи покупателей, но писатель ответил: «Во мне всё протестует, я не могу ни строчки написать для черни». – Гамсун, как в свое время Пушкин, имел в виду полуобразованное общество, зараженное мещанской психологией. Лучший из молодых критиков Норвегии Карл Нэруп писал тогда о его очерке, отличающемся высокими литературными достоинствами: «Еще никто не выносил более взвешенный приговор духовной жизни большого и богатого общества, его институтам, морали, внутреннему и внешнему устройству. По Гамсуну «Америка – золотая страна демократического господства плебса, ее богов зовут Мамона и Жульничество, свобода там связана по рукам и ногам, а справедливость спит, там существуют лишь два типа людей – вьючные животные и денежные мешки». Гамсун описывал американскую литературу как «беспросветно унылую и бездарную... ей недостает душевных движений». Он исключил из этой массы Марка Твена и «отчасти» По, Готорна и Гарта. Лицемерная мораль и церковь Америки также подверглись критике. Писатель отдал должное только сценическому искусству и журналистике, – «смелой и близкой к жизни».

Описанная Гамсуном предыстория Америки не оставляла возможности для достойного развития страны в будущем: «Однажды ночью к Новому Орлеану подошло торговое судно. Оно привезло товар из верховьев Нила... Семьдесят черных невольников... Это была физическая сила, негры из страны ньям-ньяма, чьи руки никогда не возделывали землю и чьи мозги никогда не думали... День за днем людские полчища со всего мира наступали на прерии, народы всех рас и языков, предприимчивые люди, и не было им числа: банкроты и преступники, авантюристы и безумцы, пасторы и негры – отпрыски париев со всей земли. И ни одной благородной души». – Чудовищное всесмешение на манер поздней Римской империи неизбежно вело к такому же исходу – разложению и распаду. Кнут Гамсун предвидел исторический результат

этого процесса, хотя не указал на этнический элемент, сбродивший разнородную массу, – европейско-азиатских евреев. «Когда-нибудь настанет время, – предрекал он, – и Америка будет вынуждена или обуздать неограниченную свободу своего народа – то есть изменить свои принципы, – или погибнуть, если будет продолжаться наплыв эмиграции, приносящей из Европы всё самое отвратительное и больное... Слишком многие предпосылки уже стали в Америке исторически невозможны, и она не сможет существовать как государство с *такими гражданами*, пока существуют государства в других частях света». – «Варвары! Вот на кого, а не на зулусов надо бы наслать миссионеров!», – восклицал писатель.

Острое видение Гамсуна опередило американскую реальность XXI века, когда Америка утратила еще остававшиеся в его времена искренние и теплые стороны своей жизни. Зато все её изъяны, подмеченные писателем, многократно усилены и превратили страну в вавилонскую блудницу с бессмысленно перемешанными народностями, среди которых выделяются нарастающей активностью латинос, негры и многочисленные метисы в ущерб белому населению. И вся эта масса находится под сильным влиянием евреев, сконцентрированных в сферах управления, финансов и массовой информации. Особенно страдает от этих процессов этическая и культурная стороны американской жизни. Через тридцать лет после Первой мировой войны Гамсун писал: «Снова и снова я получаю подтверждение мнению о США, сложившемуся у меня в юности».

С 1899г. финансовое положение писателя укреплялось. Он расплатился с долгами и написал много статей, за которые ему теперь достойно платили. Сам Бьернсон в сердечном письме пригласил Гамсуна к себе в Аулестада на целый год. Но из-за перегрузок ему пришлось отказаться от поездки к своему кумиру. Весь год писатель ездил из Копенгагена и обратно. Теперь Гамсуну досаждали многочисленные друзья. Весной 1890г. за «Голод», вышедший в полном виде, он получил огромную сумму – 2100 крон. Лишь Георг Брандес, обуреваемый желчным псевдоаристократизмом, счел роман однообразным. В нем критик не нашел так любимой еврейскими литераторами «утонченности». Психологическая глубина текста в соединении с простотой внешней отделки не укладывались в еврейский стереотип «богатой личности». – «Плевать я на него хотел», – отреагировал Гамсун. Готовилось новое издание быстро распроданной «Духовной жизни Америки». Гамсуну предложили место директора театра в Бергене с фантастическим жалованием – 4000 крон, но он сопроводил свой отказ словами: «не смыслю в театральном деле».

В 1890г. издательство «С. Фишерс Ферлаг» опубликовало «Голод» в Берлине. Гамсун попал в центр внимания скандинавских литературных кругов. Его друзья, в основном писатели, группировались вокруг объединения «Башня». Норвежские художники братья Краг также стали близкими друзьями Гамсуна на всю жизнь. Тогда же писатель издал эссе «О бессознательной духовной жизни» – намек на первую литературную программу. В нем он описал глубину душевного состояния современного человека и отмежевался от популярной литературы – романтического мистицизма с заимствованиями от Ницше, Достоевского и братьев Гонкур. В лекциях, читавшихся по всей Норвегии, он воздал должное писателям-реалистам. В этот период Гамсун нервно и с трудом работал из-за разнообразия впечатлений. Заработав много денег, он загулял и был вынужден просить деньги у Фрюделунда.

В 1891г. напечатана содержавшая глубокие обобщения статья «Норвежская литература». В ней Гамсун писал: «Норвежская литература...могла возникнуть только в такой стране, как наша, с ее преимущественно крестьянским населением, охваченным в высшей степени мещанскими устремлениями. Характер этой литературы определяется господствующим в нашем веке демократическим понятием общественной пользы. Она материалистична по самой своей сути; являясь отражением жизни общества, особое внимание она уделяет описанию нравов, а не человека, решению социальных проблем, а не вопросам духовной жизни. У всемирно известных писателей – от Вик-

тора Гюго до Золя наша литература научилась иметь дело лишь с *наиболее простыми, самыми обычными проявлениями человеческих характеров*, такими, которые можно ждать от людей, обладающих самой несложной внутренней организацией, – духовных мещан. В нашей литературе чрезвычайно трудно найти сложный и нестандартный в психологическом отношении образ.

А ведь в каждой, самой обыкновенной человеческой натуре – от мясника до дипломата – за границами этой обыкновенности расположена область души. Но для наших писателей она – практически «terra incognita». «Главной движущей силой, основным организующим центром всех норвежских сочинений является эротика, укладывающаяся в рамки крестьянской морали»... Наш «истинно народный читатель» с его глубоко материальными интересами – даже не чувствует ни малейшей потребности в чем-либо ином!... Это как раз те люди, которые живут хлебом единым. И наша литература старается удовлетворить все их запросы». Норвежские писатели – «прежде всего политики и общественные деятели, они в гораздо большей степени защитники, чем знатоки людей»... Простота, несложность характера – всегда удел слабых, неполноценных людей. Разве можно представить себе Гёте в роли такого вот упрощенного персонажа романа? Или Рихарда Вагнера, лишённого иных качеств и черт, кроме музыкальной одаренности?», – спрашивал Гамсун.

Он подверг критике «модную литературу». «Модному писателю не обязательно быть писателем современным, кстати, между модной и современной литературой следует провести четкую грань, – писал Гамсун. – Дело в том, что «современное» не ограничивается злободневным, тем, что может удовлетворить моду, современное составляет само жизненное содержание определенной эпохи, дух этого времени, его идею. Модному автору не обязательно быть большим талантом. Ему достаточно обладать задатками беллетриста, прожить какое-то время среди людей определенного круга, для которых он пишет, и понять их потребности. В профессиональном отношении он может при этом оставаться полным ничтожеством, дутой величиной, подобно куску грошового мыла, годного лишь на то, чтобы пускать пузыри.

Модный писатель делает ставку прежде всего на свою безупречную интуицию и удачу, а еще на гонения против себя, на тот шум, который он может вызвать вокруг своего имени. В крупных странах особую роль в его возвышении, помимо собственных бóльших или меньших заслуг, играет поддержка важной персоны или какой-нибудь газеты. У нас же, где общественные отношения еще не так изысканны, где еще не обучились искусству изощренной лжи, имя модному писателю сплошь и рядом создает полиция, и стоит только по распоряжению министра юстиции изъять ту или иную книгу, как – будьте уверены – она тут же станет событием книжного сезона». *Модный роман не может быть труден для чтения и понимания*, он должен восприниматься как марш, легко и без напряжения... Ибо что правит миром? – бесхитростные лозунги, прозрачные символы, пестрые знамена, впечатляющие сцены да красивые слова!».

Один только факт, что *модная книга может рассчитывать на успех при отсутствии художественной значимости*, дает мне основание обвинить такую литературу в том, что она снижает уровень требований, предъявляемых к добротным произведениям современного искусства и к писателю, способствуя процветанию посредственностей, которых у нас и без того всегда было более чем достаточно». Гамсун признал, что у модной литературы есть свои задачи, но ее нельзя выдавать за подлинно великую национальную литературу.

Размышления о литературе приобрели особую остроту в лекции, прочитанной писателем в Христиании осенью 1891г. в присутствии Генрика Ибсена и композитора Эдварда Грига. В ней он отнес большинство произведений Ибсена к числу «популярных книжонок без психологического содержания». Гамсун обличал не только «поверхностную литературу». Это был выпад против всякого конформизма, который, как

убеждался писатель, породил в политической сфере и в культуре пресмыкательство перед Англией с ее непрекращающимся влиянием на внутреннюю жизнь Норвегии, хотя прямых намеков на островное государство в лекции не было. Выступление Гамсуна вызвало бурю гневных откликов в норвежской печати. – Образованное общество приняло нападки писателя на свой счет. Однако его лекции повсюду собирали полные залы, и это свидетельствовало о том, что за исключением организаторов общественного мнения, масса простых людей с интересом и пониманием воспринимала его идеи. Но с ростом авторитета писателя газеты перешли на одобрительный тон в оценке лекций.

В спокойные минуты Гамсун писал роман «Мистерии», изданный в Копенгагене в 1892г. Это самая странная, страстная и живописная из всех его книг, несмотря на рыхлую композицию и упрощенную интригу. Здесь Гамсун в первый и последний раз создал образ во многом идентичный самому себе. – Нагель – аристократически твердая личность, исполненная сострадания к каждому человеку и смирения, доходящего до униженности. Лирические сцены книги прерываются остроумными, ядовитыми нападками на интеллектуалов и политиков, не нарушающими общий стиль и сюжетное единство романа. В главном образе представлены черты характера Гамсуна – восхищение человеком высоких чувств, презрение к возведенной в систему демократической посредственности, лирическое преклонение перед природой. В романе отражены мотивы его лекций о литературе и восхищение Фридрихом Ницше, которое со временем прошло. В конце романа Нагель разочаровывается в любви и тонет в море. «Мистерии» – образец характерного для Гамсуна искусства, являвшего редкий сплав утонченной культуры и здоровой простоты.

За зиму Кнут Гамсун написал небольшой роман «Редактор Люнге» с насмешками над парламентом. Книгу хвалила молодая критика, и она быстро разошлась. Лекции уже утомляли Гамсуна из-за схваток с искушенными в политике интеллектуалами. Их твердая логика противостояла романтическому энтузиазму писателя, превращая лекции в два поля сражения вместо одного. Он устал от нападок консервативных критиков на «Редактора Люнге» и решил ехать в Париж. В 1893г. опубликован роман Гамсуна «Новые силы», в котором писатель обрушился на людей искусства и их окружение, назвав Христианию «утиным прудом». Герой книги – простой домашний учитель. В романе Гамсун противопоставил художникам скромных и неэгоистичных «торгашей». – Специфика Норвегии и личный опыт писателя отразились в этом выборе, противоположном толкованию немецкого социолога Вернера Зомбарта, вложившего в понятие «торгаша» сугубо отрицательный смысл. Нападки на избалованных удовольствиями молодых людей в романе вставлены в тонко описанную ситуацию: молодежь, женщины не испорчены, «они просто достигли определенной степени опустошенности, измельчали и выродились. Новые силы – это оскуделая земля, не дающая ни плодов, ни изобилия... но молодежь – это земля, которая когда-нибудь даст плоды». – Земля и крестьянский труд постепенно приобретали самодовлеющий смысл в романах писателя.

Кнут Гамсун прожил в Париже три года. Здесь он встречался с видными деятелями искусства: Полем Гогеном, предшественником европейского экспрессионизма художником Э.Мунком, крупнейшим скульптором Скандинавии Г.Вигеландом /ум. 1943/, одним из самых читаемых писателей Норвегии Ю. Бойером /ум. 1953/. В 1894г. Гамсун участвовал в официальном чествовании Августа Стриндберга и помог своему кумиру, несмотря на то, что сам временами в Париже жил бедно. Весной он на время возвратился в Норвегию и за лето написал «Пана» – самую прекрасную из книг, созданных в молодости. – Образ лейтенанта Томаса Глана, ставший в литературе символом бегства от культуры к природе, навеян Стриндбергом, называвшим себя «зверем, который стремится обратно в лес». «Пан» – это нежное, мечтательное стихотворение в прозе о любви, которая умирает, так как обречена. Смерть наступает Глана и его возлюбленную Эву. Читатели и критика приняли роман с единодушным восторгом. Даже враждебно настроенный Томессен опубликовал хвалебную ре-

цензию. Роман назвали «евангелием неоромантизма, прозвучавшим с художественной силой, неизвестный за весь короткий период существования этого стиля». – Но это формализующее упрощение. Что значит приставка *нео* к мироощущению длинного ряда писателей, живших в мире преображенной их поэтическим чувством реальности?

Теперь норвежские и иностранные журналы заинтересовались всем творчеством Гамсуна. Все его книги были переведены на немецкий, а многие – на французский язык. Когда Гамсун вернулся в Париж, в его творческом горне уже раскалялось новое железо. До сорока лет он создал несколько самых значительных произведений своего времени. В Париже Гамсун встретился со своим немецким издателем Альбертом Лангеном, выпускавшим известный сатирический журнал «Симплициссимус» и в 1896г. посетил его в Мюнхене. Ланген, владевший издательствами в Мюнхене и Париже, понял, что Гамсун найдет у немецкого народа больший отклик, чем другие писатели. К тому времени многие его произведения были переведены на голландский и русский языки. Бьернсон, наконец, признал Кнута Гамсуна большим художником. В статье «Современная норвежская литература» он восторгался его книгами, назвав описания природы в «Пане» «самыми прекрасными в норвежской литературе». В последних книгах Гамсуна Бьернсон считал главной движущей силой сюжета «совесть и честность». Он нашел неповторимым образ Нагеля, а «Мистерии» – «одной из великих книг, заявивших о себе подобно неистовому снежному бурану».

Приблизительно в это время Гамсун написал свои лучшие стихи и драмы. Зимой 1897г. он прочел в Христиании неистовую лекцию «Против восхваления писателей и их творчества».

Вместе с другими отягчающими обстоятельствами она имела для него печальные последствия. Пессимизм Гамсуна в отношении культуры с годами усиливался. Он хвалил «старого разбойника» XV века Франсуа Вийона и богемного поэта-символиста Поля Верлена. «Они, каждый на свой лад, гораздо ближе подошли к идее поэта, чем наши «великие поэты», которые через год-полтора напоминают о себе произведениями, рожденными их увядшими сердцами», – писал Гамсун, протестуя против бесплодного подражания классикам, что во все времена свидетельствовало об упадке собственной творческой силы. Но поэты, подобные Вийону и Верлену, не были образцами для пристойных стихотворцев Христиании.

Таким образом, Кнут Гамсун периодически вызывал недовольство законодателей культурных вкусов своей милой родины. Теперь он ходатайствовал перед правительством о получении писательской стипендии в 1150 крон. Но Комитет по стипендиям обошел Гамсуна, бывшего первым в списке, подготовленном маститыми литераторами Норвегии, и стипендию выдали почти неизвестному как тогда, так и теперь, Ветле Висла. Это случилось из-за казуса с якобы непристойным рассказом Гамсуна «Голос жизни», но вспомнили и его шокировавшую общество лекцию. Крупнейшие писатели Норвегии, кроме Ибсена, направили протест в правительство. Страсти утихли, когда в следующем году он получил писательскую стипендию.

С середины 1896г. Гамсун жил в Норвегии и часто болел. Его творчество в этот период пополнилось драматической трилогией: «У врат царства» /1895/, «Игра жизни» /1896/ и «Вечерняя заря» /1898/, где демократия и пролетариат объявлены главными врагами человеческой личности. – Не случайно марксистская критика уже в начале XX века устами Г.В.Плеханова приписала Гамсуну «реакционные тенденции» и даже «декадентство». Поскольку эти пьесы не укладывались в принятый сценический стиль, их быстро сняли с репертуара в Христиании. Новый подход к драмам Гамсуна, лишенным внешних эффектов и психологических изысков, но изобилующих острыми репликами и скрытой живописностью, был найден в Германии и России – странах с наиболее высокой сценической культурой. Гамсун обладал редкой способ-

ностью претворять казалось бы чисто политические идеи в художественную форму, что, благодаря специфике театра усиливало эту способность.

Большой успех сопутствовал постановке трилогии в Художественном театре выдающимся русским режиссером К.С.Станиславским, оценившим эту работу как поворотный пункт в своем творчестве. Герой трех драм философ и ученый Ивар Карено как будто предвосхитил развитие европейских событий и их оценку новой социальной силой, идущей на смену демократии. Он не верил в либерализм, во всеобщее избирательное право и в народное представительство, но верил в «деспота по натуре, в повелителя, которого не выбирают, но который сам провозглашает себя предводителем земных орд». «Я верю и жду возвращения Великого Террориста, Квинтэссенцию человека, Цезаря...», – говорит Карено. Вряд ли Гамсун вложил в этот образ собственное ясное предвидение, но, как не раз бывало в искусстве, творческая мысль опережала реальные события. Разумеется, эти мастерски написанные пьесы не ограничиваются философским содержанием. Карено в драме ведет полнокровную жизнь. Лирические сцены изящно дополняют композицию трех драм, из которых «Вечерняя заря» – самая символичная и драматургически сильная. – Сценическая жизнь трилогии возобновилась в послевоенной Норвегии, когда Йенс Бернебу поставил ее в Осло в 1961г.

В 1898г. Кнут Гамсун встретил 25-летнюю красавицу Бергльот Гепферт и вскоре женился на ней. Она была простенькой и порядочной девушкой. Между ними не было горячей любви, как и драматических сцен до расторжения брака в 1906г. Летом 1898г. пополнилась богатая галерея женских образов у Гамсуна. Он написал роман «Виктория» – самое популярное из своих произведений – незамысловатую, но полную возвышенной и захватывающей грусти историю любви сына мельника Юханнеса и гордой дочери богатого землевладельца, которые так и не могли соединиться. – Красота смерти описана в прощальном письме Виктории Юханнесу. Ни в одном романе писатель не нашел для описания любви более прекрасных слов. Иностранная и норвежская критика единодушно одобрила новую книгу Гамсуна.

Целый год он прожил с женой в Финляндии. Творчество здесь не отличалось плодотворностью, но Гамсун собрал вокруг себя культурную элиту Скандинавии. Известный шведский художник Альберт Энгстрем /ум.1957/ и финский композитор Ян Сибелиус /ум.1957/ вошли в число его друзей. Кнута Гамсуна волновали политические проблемы Финляндии, входившей в состав Российской Империи, в частности строгие меры русского генерал-губернатора Бобрикова против автономистов. Весной 1899г. Гамсун прочел в Гельсингфорсе антирусскую лекцию «Жизнь писателя» и передал сбор от нее в Фонд народного просвещения графини Маннергейм. Затем он опубликовал статью «Век духовного обнищания», выразив восхищение духовной силой и волей финнов. Гамсун опасался, что доклад и статья закроют ему намеченный путь в Россию, но к чести русского правительства этого не произошло. Получив государственную стипендию, писатель с женой отправился по маршруту: Санкт-Петербург – Москва – Кавказ. Результатом этой поездки стала выпущенная через три года книга «В сказочном царстве», большая часть которой посвящена Кавказу, как органической части Российской Империи, /здесь помещен иронический рассказ о еврейском попутчике, не случайный по контрасту с русским характером/.

«Славяне, думаю я, глядя на них – народ будущего, властители мира, первые после германцев! Лишь у такого народа, как русский, – писал Гамсун, – могла возникнуть такая великолепная, возвышенная и благородная литература. Восемь великих русских писателей – это восемь горячих, неиссякаемых источников...». Лев Толстой, несмотря на свою творческую мощь, не мог, по его мнению, «быть мыслителем и учителем жизни». Но Достоевского Гамсун назвал «самым великим из всех русских гигантов... Никто не проник так глубоко в сложность человеческой природы, как Достоевский, он обладал безупречным психологическим чутьем, был ясновидцем. Нет та-

кой меры, которой можно было бы измерить его талант, он – единственный в своем роде».

«С таким народом можно многого добиться. Но если нужно победить их инстинкты, их понятия и предрассудки, кротостью вряд ли чего-то добьешься. Тогда чудодейственным оказывается приказ, твердое царское слово... А русский народ еще умеет повиноваться». – Гамсун не сомневался, что когда-нибудь истечет время Запада, и огромная Россия с народом, у которого такая здоровая и неиспорченная суть, будет играть решающую роль в мире. Он и впоследствии не отказался от этой мысли, имея в виду дарвинизм, «survival of the fittest» – естественный отбор /в середине 40-х годов XX века французский писатель правых взглядов Дриле ля Рошель в совершенно иных политических условиях высказал точно такое же мнение о России!/.

Гамсун завершил путешествие трехмесячным посещением Турции. Восторженные впечатления об этой стране писатель выразил в книге «В стране полумесяца», выказав редкую способность беспристрастного и детального изображения чуждого европейцу быта. Затем Гамсун провел несколько месяцев в Копенгагене, а потом, оставив жену в Христиании, уехал в Нурланн и жил там в лопарской землянке, рядом со своей родовой усадьбой. Здесь он завершил четырехлетнюю /!/ работу над драмой в стихах «Мункен Вендт» о свободном охотнике XVIII века, гибнущем от любви. Драматический колорит драмы смягчен лиризмом особого «северного» свойства. «Я ничего не понимаю в театре», – утверждал писатель, – но это не помешало ему написать несколько солидных пьес, преображенных искусной инсценировкой опытными режиссерами. Всесторонний талант Гамсуна преодолел инстинктивную неприязнь к драматическому искусству, и изощренный в поисках сценических эффектов Станиславский нашел в его пьесах подходящий материал для создания спектаклей, поразивших русскую публику. К сожалению, «Мункен Вендт» не разделил на русской сцене судьбу трилогии, так как *намеренно* создавался с парадоксальной целью преодоления драматической специфики и не был рассчитан на сценическое исполнение.

Все эти годы Гамсун работал с трудом. В 1902г. у него родилась дочь Виктория. Взаимное охлаждение отношений с женой создало дополнительную проблему, хотя когда Гамсун проиграл крупную сумму в Остенде, добродушная супруга помогла ему отдать долг. Писатель работал как одержимый. Выручило издание в 1903г. сразу трех книг: очерков «В сказочном царстве», сборника новелл «Густые заросли» и романтической драмы «Царица Тамара», насыщенной восточной экзотикой и поэзией. – Эту драму поставили в следующем году в Христиании, но без успеха. – Театральные традиции Скандинавии опирались на сентиментально-психологический репертуар. Гамсун же считал, что в драме не следует быть тонким психологом. Однако лучшие в мире театры – немецкие и русские продолжали с успехом инсценировать его пьесы.

В 1904г. издан сборник «Дикий хор», в который вошли лучшие стихотворения за десять лет, околдовавшие знатоков поэзии мелодией слов и новыми ритмами стихотворных фраз. Веселая повесть «Мечтатели» /1904/ о любви двух скромных людей обозначила переход в новый мир образов и чувств. Экстатическая романтика уступала место проникновенным картинам жизни умудренных опытом людей, все теснее сливающихся с природой. Ряд произведений, построенных на впечатлениях юношеской жизни преимущественно из жизни норвежского Севера, открылся романами «Под осенними звездами» /1906/ и «Странник играет под сурдинку» /1909/. Редкая эмоциональная выразительность в соединении с выверенной сдержанностью художественных средств придают этим сочинениям утраченный европейской прозой классический характер.

С этого времени в творчестве Гамсуна усиливаются мотивы противопоставления капиталистического города устойчивому укладу крестьянской жизни, близкой к естественному круговороту природы. Законченное выражение эта тенденция приобрела

в знаменитом романе «Плоды земли» /«Markens grode», 1917/, принесшем писателю в 1920г. Нобелевскую премию. Здесь Гамсун окончательно порывает с абсолютным индивидуализмом, лирической прозой и эротической музыкальностью. Постепенно роскошные романы прошлых лет уступают место лаконичной и сосредоточенной прозе, предоставляя возможность знатокам и читателям судить о сравнительной ценности этих противоположных стилей.

В 1907г. Гамсун прочел в Студенческом обществе лекцию «Чти молодых», вызвавшую большое раздражение в обществе. Он не чувствовал физически своего возраста, но эстетический мотив лекции заключался в постоянных поисках новизны, приемлемой для хорошего вкуса – комбинации здорового консерватизма с гибкой изменчивостью литературной формы. Жизнь словно повторяла, или задавала тон творческим усилиям. После расторжения брака в 1906г. Гамсун скитался по всей стране. Через два года он познакомился с 26-летней актрисой Национального театра Марией Андерсен, на тридцать четыре года связавшей с ним свою судьбу. Умная, талантливая и красивая женщина происходила из здоровой крестьянской семьи. Таким образом, сложившееся мировоззрение и литературная работа писателя получили надежное биографическое подкрепление. «Не будь я поэтом, несущим в себе частицу вечного огня, я бы уже чувствовал свои годы, – писал Гамсун Марии. – Но чуть не сказал: к сожалению, я буду гореть до последнего вздоха...». Она любила театр, который писатель называл «самым позорным ремеслом, потому что для него не требуется ни характера, ни чувства ответственности». – Гамсун считал, что его пьесы ломают каноны драматургической формы. Однако их успех в Германии и России, вероятно, доказал обратное. Впрочем, Гамсун распространял свой скептицизм на литературное творчество в целом. «Я так глубоко презираю сочинительство, что продолжать заниматься им меня заставляет лишь Святой Дух, витающий иногда над моей седой головой», – писал он. – К счастью, эта самооценка не мешает поколению за поколением наслаждаться плодами многолетней работы великого писателя.

В 1908г. вышли два связанных сюжетом небольших романа Гамсуна «Бенони» и «Роза», в которых он воскресил прошлые персонажи – Эдварду и Мункена Вендта. В них описана любовь по-крестьянски наивного, оборотистого Бенони и пасторской дочери Розы, – по описанию автора, высокой, красивой, но «не интересной». – Гамсун всё чаще обращался к типу женщины, не отягощенной духом цивилизации. Девушка другого склада – Эдварда, узнав о смерти любимого ею Глана, находит такого же, как она, выбитого из колеи человека. В этих романах еще слышны веселые нотки, много живых и ярких образов, – всеильный богач Ф.Мак, совмещающий в себе крайности добра и зла, и здесь же – два отталкивающих старика, выписанных со злорадством, как символы грубой реальности, для которой Гамсун теперь находит подходящее место в своих книгах.

Пятидесятилетний юбилей писателя в 1909г. прошел незаметно для него самого, несмотря на обилие поздравлений со всего света. Гамсун жил в это время в деревне с Марией, вдали от всех друзей. Здесь он написал одну из самых совершенных по стилю и композиции статей: «Крестьянская культура», – в виде обращения к писателю Й. Йенсену. В этой статье Гамсун проводит глубокое различие между *крестьянской культурой* и *культом крестьянства*, иронизируя над попытками Льва Толстого и Йенсена смешать эти понятия. Он отрицает особенную роль крестьянства в культурных достижениях. «Мы должны признать, – пишет Гамсун, – что это представители **всего народа** вносят свой вклад в культуру! И даже, напротив, в большинстве сфер жизни **не** крестьянин играет первую скрипку. Чем на самом деле владеет крестьянин, так это навыками ручного труда. Его врожденное упорство необходимо ему в крестьянском труде, но это не та движущая сила, на которую можно рассчитывать, совершая культурное творчество».

Гамсун продолжает: «Только преодолев свою крестьянскую сущность, творческие люди смогли приобщиться к подлинной культуре... Каким таким крестьянином был

Кристиан Берг, он что, сеял зерно? На это ты мне отвечаешь: он сеял нечто другое. Я опять спрашиваю: а Финсен тоже сеял что-то другое? Да, ответишь ты, – и это другое имеет в своей основе крестьянскую культуру. Но и в тех «молчаливых столетиях», к которым ты относишься с презрением, тоже что-то создавалось и было посеяно нечто другое? – Азиатский Миф, Английский Драматург, Голландский Живописец – ведь не хлеб же они сеяли!». «Ты путаешь крестьянскую культуру с культом крестьянства, – заключал Гамсун. Это суждение приобретает особенный вес ввиду значительного места, которое занимал в его жизни *собственный крестьянский труд*, которому он предавался по многу месяцев на протяжении все жизни, не расставаясь с творчеством.

Мировая известность Кнута Гамсуна продолжала расти. В Германии и России его книги издавались огромными тиражами. Станиславский и Немирович-Данченко с необыкновенным успехом ставили пьесы Гамсуна. Русские княгини слали ему украшенные короной любовные письма на английском, немецком и русском языках. В 1910г. он опубликовал пьесу «В тисках жизни», которую ставили чаще других его пьес. По мнению писателя, только русские умели это делать, доводя до сценического совершенства мастерство реплики в постановках его драм.

Одновременно с пьесой появилась в печати статья Гамсуна «Слово ко всем нам», предупреждающая против духовного ущерба, наносимого стране развитием туризма, замещавшего производительную работу. «Сейчас газеты заняты радующим их наплывом туристов, и я не нахожу в них ни слова о том, что где-то в Норвегии распахано новое поле, – писал Гамсун. – Вокруг много грохота и обвалов, но то, что остается после, не может составить ни сути, ни цели жизни. Это всего-навсего бешено развитая энергия – в стадии разврата. Античные народы исчезли с лица земли, потому что они тоже бросали свои косы и становились прислугой и извозчиками. Но кормились они за счет чужих стран, которые возделывали землю... Надо вынуть руки из карманов и приняться за работу. Тогда наш народ не станет нацией содержателей гостиниц и obsługi. Мы должны осушить наши болота, насадить леса, освоить огромную провинцию Нурланн. Тогда прекратится эмиграция молодежи. Мы будем возделывать страну Норвегию». – Существенно, что Гамсун видел в этом интернациональном бизнесе – своеобразном варианте колонизации – целеустремленные усилия «англосаксов», всегда считавших Скандинавию географической зоной своего влияния.

В 1910г. Гамсун, полемизируя с пацифистами и левыми радикалами, писал редактору крупной норвежской газеты: «Разоружить какую-то страну – значит разоружить всё ее население, тем самым лишив защиты дома ее граждан. Представьте себе, что Ваш дом подвергся нападению, а Вы даже не можете защитить его! Именно в этом, а ни в чем ином и проявляется на деле антимилитаризм в Норвегии,... разоружившись, Вы все равно не сможете помешать войне, но зато оставите беззащитным отечество». «Война – это вот что: в Англии и Франции либо нет прироста населения, либо он очень невелик, но зато есть огромные колонии, которые этим странам не нужны. Германия же лопается от избытка населения, но ей не хватает колоний. Во всех уголках мира Германия пытается найти место для избытка своего населения, но Англия тут же пресекает ее попытки. Германия ждет пятнадцать лет, население увеличивается, и, наконец, происходит взрыв. Это война. А затем начинают говорить о жестокой политике Германии. Война в своей сущности не является чем-то противостественным, война за свободу и выживание даже естественна, но не для наших двухсот тысяч».

Далее Гамсун пишет об ущербности «классовой борьбы»: «Вы по-прежнему станете поддерживать недовольство масс. И массы будут все так же чувствовать, что они обижены «классами». Эти двести тысяч уже не вернуться в деревню, ибо в деревне нет ни парка «Тиволи», ни кинематографа, ни Народного дома /здание социалистических рабочих организаций – И.Б./ . Они не хотят обрабатывать землю, которая

кормит нас всех, и эти двести тысяч в том числе. Вместо того чтобы возделывать свой участок, иметь собственный дом для себя и своих родных, они хотят стать пролетариями в городе и жить по воле рока, а в худшем случае – за счет приютов для бедных или милосердия. Они нужны деревне, нужны земле, но не нужны городу. Но они-то стремятся в город. В город! В своем заблуждении они не хотят ни слышать, ни думать о судьбах своих детей. Что станет с детьми и молодежью в атмосфере вечного недовольства и забастовок, каждодневной нужды? Но только город, один только город у них на уме... Надо развивать сельское хозяйство в Норвегии. Но не за счет государственных дотаций. Это теории юристов, живущих от политики. Сельское хозяйство, основанное на индивидуальном труде и личной заинтересованности каждого, – вот что необходимо. Предложите в Народном доме такую программу!».

В 1911г. Кнут Гамсун приобрел усадьбу в полумиле от своего родового гнезда, начав новый период жизни. Он энергично работал на поле и в лесу, перестроил дом. «Мне пришлось заново учиться быть крестьянином», – писал Гамсун. В противоречивом и смелом романе «Последняя радость» /1912/ он снова напал на меркантильный дух времени, на практическую ограниченность, представляющую опасность для его народа. Роман описывает риск погони за материальными благами и здоровую жизнь на земле. – Семья Торсен покупает усадьбу и рождает детей, а потомственный крестьянин Пауль идет навстречу гибели, открыв гостиницу и принимая деньги от туристов. – Роман предупреждал против удручающего итога, который ожидает Норвегию вместе с остальной Европой, если демократии позволят и дальше идти своим путем.

Перед Первой мировой войной у Гамсуна появилось двое сыновей – Туре /1912/ и Арилд /1914/. С начала войны Кнут Гамсун не скрывал симпатий к Германии. Он мыслил широкими историческими категориями, понимая, куда ведет мир финансовая плутократия, сконцентрировавшая свои силы в США и Англии. Еще со времен таких пангерманистов, как Ибсен, Бьернсон и Ли, норвежские писатели тепло относились к Германии. Эта высококультурная страна была воротами, через которые следовало пройти, чтобы их узнал и стал читать весь мир. Кроме того, идея солидарности германских народов, общность которых убедительно подтверждалась антропологами, нашла естественную поддержку у культурной верхушки Норвегии. Почти все друзья Гамсуна во время Первой мировой войны придерживались немецкой ориентации. Среди них: Ялмар Кристенсен /1869-1926/, прославившийся романами и пьесой «Самоубийство белой расы» /1916/; автор популярных детективных романов Свен Эльвестад /ум.1934/; известный театральный критик Сигурд Бедткер /1866-1928/; писатель Нильс Кьяр /1870-1924/ – автор психологических эссе и многие другие. Однако никто из них не выражал так страстно свой германизм, как Кнут Гамсун. Он вел острую газетную полемику с профессором европейской литературы Колином Кристеном /1857-1926/ и английским литературоведом, переводчиком Ибсена Арчером Уильямом. К разочарованию Гамсуна, прогерманские симпатии многих его норвежских коллег исчезли в 1940г., когда Германия, предотвращая оккупацию Норвегии англичанами, сама вошла в эту страну. – Со времен Гладстона Англия усиливала притязания на близко расположенные нейтральные страны.

В предвоенный период и во время мировой войны в Норвегии под влиянием интернациональной пропаганды, отразившейся в норвежском законодательстве, распространилась эпидемия матерей-детоубийц – симптом разложения культуры, поразившего всю Европу. Законы Кастберга сократили наказание матерям за эти преступные действия до восьми месяцев тюрьмы. Гамсун яростно выступал против подобных явлений, порожденных торжествующим либерализмом. Он писал о шведке Сельме Лагерлеф /1858-1949/ – лауреате Нобелевской премии по литературе 1909г.: «Эта старая дева, которая сама никогда не была ни матерью, ни отцом, сочувственно объясняет психологию детоубийц». К сожалению, немногие поддержали Гамсуна в его борьбе за жизнь детей. Еще один лауреат Нобелевской премии – норвежская писательница и будущая антифашистка Сигрид Унсет /1882-1949/ из соображений отвлеченного гуманизма также защищала преступниц.

Одиночество, лес, усадьба, земля стали в эти годы плодотворной почвой, питавшей новые книги Гамсуна. Не отвлекаясь от работы, он отказывается от многих предложений: доклада в Союзе свободомыслящих людей Норвегии, сценария фильма, присутствия на открытии в Бергене памятника Бьернсону... В 1915г. издан «Городок Сегельфос» – продолжение написанной двумя годами раньше повести «Дети времени». Проходящая идея книг – борьба старой аристократии с духом нового времени, несущим индустриализацию, либерализм и социализм. Сюжет этих легко и с вдохновением написанных повестей всё же производит впечатление некоторой заданности. Персонажи /их 29 в одной первой книге/ гибнут, не сумев приспособиться к новому ритму жизни, спасаются творчеством или процветают в атмосфере «прогресса» и «развития».

В годы Первой мировой войны Кнут Гамсун выступал против пропаганды социализма в Норвегии. Вездесущий Георг Брандес обвинял писателя в том, что ему платили за дружеское отношение к немцам. Гамсун ответил критику: «Вы уже старый человек, и Вам следовало бы придержать свой язык. Он не делает чести ни Вашей расе, ни Вам лично» /Брандес в это время также распространял ложные слухи о «кривоногости» Гамсуна!/. – Стороны уже заняли противоположные позиции в борьбе за будущее Европы, но это не помешало норвежскому писателю почтить память умершего в 1927г. Георга Брандеса.

Весной 1917г. Гамсун купил новую усадьбу на юге Норвегии. Там у него родилась вторая дочь. С утра до вечера он приводил в порядок неприглядный дом и пашню, купил несколько коров и занялся сельским трудом. Гамсун оберегал каждое живое существо на усадьбе, диких уток на болоте, птиц и зверей в лесу. Он работал урывками и скептически относился к собственному творчеству. Так, Гамсун писал начинающей поэтессе: «Ни вы, ни я не должны жить сочинительством и пустотой, мы должны значить что-то как люди – должны жениться, растить детей, создать дом и жить на земле. Подумайте об этом. Я уже старый и знаю, о чем говорю. Я написал тридцать книг, точно не помню, но у меня пятеро детей, и в этом мое счастье. Зачем людям эти книги? Без моих детей у меня не было бы права даже на могилу...». Всё это не означало ни физического старения Гамсуна, ни оскудения творческих сил. Политическая судьба Европы остро волновала писателя. Задолго до конца войны Норвегия, разбогатевшая на ценных бумагах, но с пришедшим в упадок сельским хозяйством, растерялась перед трагедией лежащей в руинах Европы и лишённого иллюзий поколения. Будущее страны должно было испытать резкое обновление или продолжить стадию духовного распада.

Но творчество Кнута Гамсуна продолжалось, и осенью 1917г. был напечатан роман «Плоды земли». Его главная мысль: человек должен трудиться на своей земле. Он должен участвовать в естественном кругообороте бытия и не ставить искусственных преград между ним и собой. В этом глубочайший смысл жизни. Человек без корней – бродяга, странник, неприкаянная личность, лишённый собственной социальной принадлежности. Любовь Гамсуна к земле и людям нашла выражение в монументальной художественной форме. Это – одновременно «предупреждение своему поколению» и классическая поэма, горячая и неотразимая. – Поэма о счастливом рабстве человека, трудящегося на земле, евангелие, дающее здоровье телу и делающее жизнь счастливой, а память о человеке – бессмертной; – роман о первопоселенце Исааке, завладевшем бесхозной землей. Он ведет благочестивую жизнь среди дикой природы с женщиной из простого народа. Потом Ингер убивает дочь, родившуюся с чертами уродства, и ее сажают в тюрьму. Вернувшись домой, жена Исаака, уже отравленная городом и многому научившаяся в тюрьме, попала в атмосферу, принесенную цивилизацией туда, где Исаак был первым земледельцем. Гармония дома нарушена. Лишь Исаак непоколебим. Он по-прежнему добывает плоды земли. Один его сын и дочь продолжают жизнь в «век деревянных ложек». Другой сын пренебрег сельским укладом и уехал в город, потерпев крах в предпринимательстве. Ингер вновь стала работающей хозяйкой образцовой усадьбы. Книга заканчивается описанием работы

Исаака на земле и картиной торжественного вида природы. Редкий поэтический дар Гамсуна спасает незамысловатый сюжет романа от назидательности.

В публицистике тема земли породила статью «Крестьянину» /1918г./. – «Забери свою дочь из города! Да, забери, хотя ты и потратил на ее обучение в средней школе и в торговом училище, всё равно – забери ее домой. В городе она надрывается ради каких-нибудь пятидесяти или ста крон, блекнет и чахнет; верни ее снова в родную усадьбу и к здоровой жизни... Помощницу по хозяйству в твоих родных местах ни за какие деньги не сыщешь, а дочери твои уехали из дома, это стало «хорошим тоном», модой, поветрием. Крестьянин, твою дочь захватило это ужасное заблуждение!» – писал Гамсун.

«Забери ее домой. Пусть наденет простую одежду, в которой можно свободно двигаться, без труда наклоняться, напони ей, что руки человеку даны, чтобы ими что-то делать. Пусть она снова вспомнит о коровьих сосках, вязальных спицах, о том, как держать мотыгу. Пусть не стыдится простой деревенской работы, парень из соседней усадьбы увидит, какой трудолюбивой снова стала Хана, и надумает взять ее в жены. Позднее она поймет, насколько лучше быть достойной хозяйкой в своей усадьбе, нежели метаться по мелочной лавке, обслуживая покупателей. Она улыбнется, вспомнив свое «образование», и развеселится еще больше, вспомнив покупателей, надутых городских дам со всем их жеманством, притворством, пустословием...

Так вернись же домой, Хана, милая! Твои родные края зовут тебя. Ты еще не забыла, как красиво у тебя дома? Родные места всегда красивы. Любовь к Родине проявляется в малом, в любви к родному очагу. Коровы и овцы у вас такие ухоженные и упитанные, у дома деревца, скамейка, дорожки и тропки в полях, сарай, кот и петух. Усталая, ты так сладко засыпаешь вечером и встаешь так хорошо отдохнувшая утром. Здесь сколько угодно молока и дров, чтобы топить печь. В городе у вас с этим туго. И еще. В городе ты лишняя. А здесь нужна. Природные горожанки не приспособлены для крестьянской работы. В городе слишком большой спрос на такие мансарды, в одной из которых ты живешь, на пищу, которую ты употребляешь, на то рабочее место, которое ты занимаешь. А в то же время ты нужна дома, в родной усадьбе. Вернувшись домой, ты осчастливишь своих родителей, это пойдет на пользу тебе, и душе твоей, и телу». – Этот страстный призыв Гамсуна имел глубокий политический подтекст, так как развивающаяся демократия отучала народ от земли, а городская жизнь уничтожала остатки органической привязанности к родным местам.

Когда вышли «Плоды земли», Кнут Гамсун был уже всемирно известным писателем, достойным Нобелевской премии. Но большинство членов Нобелевского комитета не видели в его творчестве явно выраженного идеалистического направления, которого непременно требовал учредитель премии, что мешало Шведской академии присудить Гамсуну эту высшую литературную награду. Издатель журнала «Стрикс» А. Энгстрем и влиятельный государственный антикварий, автор многочисленных книг по истории и культуре Харри Фетт /1875-1962/ тщетно добивались Нобелевской премии для Гамсуна. Между тем, «Плоды земли» пользовались необычайным успехом. Первое издание вышло в начале декабря и к Рождеству весь тираж в 18 тыс. был раскуплен. Имя Гамсуна вновь облетело весь мир. М.Горький писал ему: «Сейчас Вы в Европе величайший художник, равного Вам нет ни в одной стране!». Лауреат Нобелевской премии 1931г. шведский писатель и поэт Э.А. Карлфельдт /1864-1931/, долгое время бывший секретарем Академии Наук Швеции, предложил кандидатуру норвежского писателя, и в 1920г. Кнуту Гамсуну присудили Нобелевскую премию за роман «Плоды земли». Гамсуну шли потоки писем и телеграмм со всего света. Союз писателей Норвегии устами Юхана Бойера благодарил его за то, что он «еще раз прославил Норвегию».

Осенью того же года Гамсун выпустил новую книгу «Женщины у колодца», встретившую холодный прием. Эта одна из самых смешных книг писателя не лишена не-

большой горечи, но в ней нет, как в «Плодах земли», непосредственного обращения к человеческому роду, попавшему в бедственное положение. Почти шокирующее впечатление производят некоторые герои повести – уродливые или сломленные жизнью люди. В это время Гамсуна донимали мысли о смерти, которые он выразил в книге «Последняя глава» /1923/. Писатель не утешал ближних христианским учением, как Достоевский. Он не проповедовал социализм, как Маркс и не видел разгадки жизни в материи. Если у Гамсуна и есть «идеология», – то это евангелие земли и труда. С усилием завершив «Последнюю главу», он сдал усадьбу в аренду на четыре года и освободился для творчества. «Образцовое хозяйство» пришлось перенести на будущее.

Послевоенные годы дались Гамсуну гораздо тяжелее, чем переломный период на рубеже веков. Он глубже втягивался в политику. Гамсуна многое разочаровало и, прежде всего, мирный договор, с заложенными в нем ростками нового международного конфликта. Затем началась широкая демократизация, запланированная творцами мирового разложения, и уничтожение ценностей, которые писатель считал основополагающими. Теперь оппоненты Гамсуна выступали с других позиций, и борьба с ними продолжалась до конца его жизни. За попытками приклеить Гамсуну ярлык «реакционера», как это делал редактор газеты «Политикен» Кавлинг, скрывались социально-политические тенденции, влекущие Норвегию в лагерь англосаксонской демократии. В 1918г. Гамсун издал брошюру «Язык в опасности», где обрушился на норвежскую филологию и на лишенных языкового чутья политиков. – Письменный норвежский язык в его глазах стал формой сохранения национальной самобытности.

В романах 20-х годов – «Женщины у колодца», 1920, рус. пер. 1923; «Последняя глава», 1923, рус. пер. 1924... – преобладает чувство одиночества и заброшенности человека в современном обществе, отражавшее скептический взгляд писателя на бессмысленное буржуазное существование. Зимой 1926г. Гамсун с расстроенными нервами уехал на несколько месяцев в Осло, где безуспешно прошел курс психоанализа, самостоятельно убедившись в ложности этого псевдоучения. Его материальное положение вновь пошатнулось. Часть денег он потерял во время послевоенного разорения банков. Двести тысяч крон писатель вложил в 1924г. в оформление норвежского издательства «Гюльдендаль», получившего право на издание всех его сочинений. Ему дорого обходилось и любимое занятие сельским хозяйством. Могло выручить только литературное творчество. За несколько лет он написал трилогию о предпринимателе, кочующем по стране: «Бродяга» /1928/, «Август» /1930/, «А жизнь идет» /1933/. История бродяги Августа – это трагикомедия о современной жизни. В погоне за прибылью Август странствует по Норвегии, жульничает, пытается любой ценой сколотить состояние, наконец, богатеет и...гибнет в море. – Умудренный опытом писатель «прощает» Августа, которого сама жизнь привела к драматическому концу.

Трилогия об Августе – венец реалистического периода творчества Гамсуна, основу которому он заложил еще в годы Первой мировой войны. Это искусство отличается силой и ясностью, доброй самоиронией и мягким юмором – черты, которые сделали Гамсуна подлинно эпическим писателем. Но он редко касается самых тайных глубин духовной жизни человека и не морализирует, когда речь идет о необъяснимых силах души. В отличие от однообразных натуралистических описаний реализм у каждого крупного писателя особый. В нем отражена его личность и духовная сила, преобразующая мир художественными средствами. Гамсун описал в трилогии будничную жизнь рыбаков, крестьян и торговцев в деталях, поэтизирующих человека, удовлетворенного своей судьбой. Август стер радугу над этой картиной человеческого смирения, но он был невинен, как почти все люди. Его прожекты рухнули,... «а жизнь идет». – Никаких «концепций» и теоретического осмысления в подобном искусстве нет. Когда такое накладывается на художественную ткань, даже великие художники снижают свое мастерство, как это случилось с Львом Толстым.

Особенность творчества Гамсуна – чередование художественных произведений с политической публицистикой, воспроизводившей многие темы его романов. Через тридцать девять лет после «Духовной жизни Америки» вышла статья «Festina lente» /Спешите медленно – лат./, 1928г. Гамсун писал в ней: «Люди забыли Бога, всемогущий доллар, кажется, не может заменить его, а технические изобретения не удовлетворяют духовные потребности. Тупик. В этих условиях одна лишь Америка набирает скорость. Ничто не остановит ее, она устремляется вперед, она прокладывает себе путь. Свернет ли Америка с пути? Да ни за что на свете! Она лишь увеличит скорость во сто крат, закружив в ураганном вихре и раскалив добела жизнь всей планеты. Сейчас в Европе в ходу слово «американизация», а в старые времена говорили: «Festina lente»... Я имею в виду участие в бешеной гонке с целью пробиться, да еще, если надо, с пистолетом в руке, золотую лихорадку, суматоху на бирже /И.Б. – инородческий слой хищников, вовлекал сюда и развращал энергичные слои коренных американцев/... Безоглядное расходование энергии не есть признак силы. Сила истощается, и так или иначе наступит день, когда она иссякнет совсем и останется рассчитывать лишь на внутренние ресурсы. Такие древние народы, как ассирийцы и вавилоняне, истощили свои силы и внутренние ресурсы и погибли».

Критика американских порядков не помешала Гамсуну оценить добропорядочность простых американцев, «чудесных ребяташек» и красоту американок. «До самой смерти я буду с благодарностью вспоминать все то, чему я научился, побывав в Америке дважды, – писал он. – У меня сохранилась масса хороших, чудесных воспоминаний. Я говорю об американской нации как таковой, и самом образе жизни американцев. Мне хочется отметить всегдашнюю готовность американцев прийти на помощь, их способность к сочувствию, их щедрость... Когда нужно, американцы откликаются немедленно и делают доброе дело, не думая ни о какой выгоде...

И для нас, европейцев, в таком случае совершенно непонятна поразительная жестокость, заметная в некоторых государственных акциях со стороны Америки: я имею в виду жестокие таможенные барьеры, беспощадность взыскания военных долгов с европейских стран... В настоящее время благодаря своей финансовой политике Америка богатеет, как никакая другая страна; но возникает вопрос: а что же она создаст все-таки для будущего, для грядущих поколений? Америка, как и любая другая страна на земном шаре, не может жить в одиночку. Америка – это только часть мира и должна сосуществовать со всеми другими странами...».

В августе 1929г. Кнуту Гамсуну исполнилось семьдесят лет. Он по-прежнему избегал юбилеев и почестей. – Отказался принять Серебряный крест Союза писателей Норвегии, и его тут же обвинили в надменности. В 1929г. Гамсун отклонил предложение А. Коллонтай стать почетным членом Академии наук и искусств СССР: «Я всего лишь земледelec и писатель, который не может иметь какого-либо отношения к Академиям, я лишь крестьянин. Ранее я отклонил подобное приглашение из другой страны». Но он согласился стать почетным членом МХАТа, который считал «лучшим театром в мире». Вся мировая элита присылала свои поздравления, в их числе – русские поклонники Гамсуна – Паустовский, Горький и Блок. Он чувствовал свою беспомощность перед этими бесконечными овациями и в день рождения уехал с семьей на юг Норвегии, подальше от торжеств. Осенью следующего года Гамсуну сделали тяжелую операцию на внутренних органах, и снова его спасло железное здоровье. В 1931г. писатель отправился во Французскую Ривьеру, по пути посетив Берлин, где убедился в безграничной преданности ему немцев.

Литературное творчество Кнута Гамсуна подходило к концу. В 1936г. вышел объемистый двухтомный роман «Круг замкнулся», в котором масса второстепенных персонажей, выбитых из колеи, вращалась вокруг Авеля Брудерсена – это всё, что осталось от образов Нагеля и Августа. АVELь – вялый и нелепый в своих действиях двойной убийца /!/, промотавший деньги отца, как и задумано, вызывает отвращение у читателя. Гамсун хотел продолжить роман, но ему надоел этот герой.

Писателю было 77 лет. Физическая сила и почти неправдоподобное жизненное не позволили ему сгорбиться, его глухота усилилась, но зрение было хорошим. Гамсун выписывал множество газет и зорко следил за мировыми событиями. Он с яростью провел кампанию против авантюриста Карла фон Оссецки, – В 1928г., за пять лет до прихода к власти

НСДАП этого «борца за мир» приговорили к полутора годам тюремного заключения по обвинению в измене родины и разглашению военной тайны /!/. После поджога Рейхстага в 1933г. Оссецки вновь арестовали и поместили в концлагерь на три с половиной года. В 1934г. началась политическая кампания за присуждение ему Нобелевской премии. Кнут Гамсун опубликовал статью «Оссецки» с протестом против его выдвижения в лауреаты. В результате о писателе впервые заговорили как о приверженце национал-социализма, вокруг него бушевали страсти. Оссецки не получил тогда желанную премию, но борьба продолжалась. В 1935г. Гамсун поместил в двух ведущих норвежских газетах новую статью против этого хитроумного политика, подчеркнув, что он мог избежать ареста, уехав из Германии. Статья вызвала бурю протестов в Норвегии, которую открыл известный журналист Нурдаль Григ. До смерти Оссецки в 1938г. от туберкулеза эта статья дискутировалась по всей Европе. Драматичным для Гамсуна было помещенное в одной из центральных норвежских газет письмо протеста 33-х писателей с подписями его друзей – Петера Эгге и Эйнара Скавлана. Хотя множество соотечественников Гамсуна поддерживало его мнение об одиозном немце, в ноябре 1936г. Оссецки всё же вручили Нобелевскую премию за 1935г.

В одном из очерков, относящихся к этому времени, Кнут Гамсун писал: «В Германии сейчас идет процесс преобразований. Если правительство сочло необходимым создать концентрационные лагеря, значит у него были на то основания». Гамсун совершенно не обращал внимания на бурю вокруг его имени, понимая, кто организует общественное мнение. Он продолжал много читать: Шопенгауэра, старых философов, Хемингуэя, Стейнбека, молодых норвежских писателей и Сигрид Унсет, признавая ценность ее романов о средневековье. В этот период Гамсун много ездил, путешествовал по Германии и Франции, в 1938г. несколько месяцев провел в Югославии, Италии, хотел побывать в Америке и в Палестине, /его интересовало, как евреи возделывают там землю – он много читал об этом/. После аншлюса Австрии, когда покончил самоубийством историк культуры и писатель Эгон Фриделль, Гамсун удрученно писал: «Он мог бы приехать ко мне...». Позднее он отослал письмо в канцелярию Рейха, заступившись за строптивного немецкого писателя Макса Тау /1879-1976/, получившего в результате норвежское подданство. В дальнейшем, используя хорошие отношения с Йозефом Геббельсом, Гамсун не раз отводил беду от опальных деятелей культуры. – В опубликованной Торкилем Хансеном в 1978г. содержательной книге «Процесс против Гамсуна» приведено сведение о том, что писатель в середине войны подарил Геббельсу свою медаль Нобелевского лауреата.

В 1940г. в Норвегию пришла война. Страну на пять лет оккупировали немцы. Как и многие норвежцы, Гамсун считал, что в этом виновата Англия, нарушившая нейтралитет страны. Действительно, Норвегия вполне могла играть роль нейтральной страны, наподобие Швейцарии или Швеции, но это противоречило англо-американским планам вовлечения всё новых сил в противоборство с Германией на пользу финансовому капиталу Запада, в котором господствующие позиции давно заняли евреи. Во время оккупации писатель лично помогал попавшим в беду соотечественникам, просил о помиловании норвежцев, осужденных на смерть за саботаж и диверсии. Туре, в воспоминаниях об отце писал, что Гамсун, несмотря на нелюбовь к евреям, спас многих из них в годы Второй мировой войны. Он дважды посещал гауляйтера Норвегии Йозефа Тербовена, писал и телеграфировал Гитлеру, Геббельсу и Герингу. Гамсун встречался с Гитлером в Берлине, защищая перед ним интересы своей страны. Эта встреча произвела огромное впечатление на присутствовавших немецких чинов из-за смелости, с которой писатель высказывал свое мнение. Гитлер же, по воспомин-

нениям Гамсуна, вел беседу спокойно и лишь дважды повысил тон, возражая норвежцу.

После войны, объясняя свое поведение в тот период, писатель говорил, что политическая система Германии имела для него второстепенное значение. Он был верен Германии при Императоре Вильгельме, при канцлере Эберте в Веймарскую эпоху, при Гинденбурге и Гитлере. – Вся жизнь Гамсуна стояла вне нравственных законов обывателей, соблюдая собственную этику, предписывавшую ему приносить пользу Норвегии, как части великой семьи германских народов. Еще в 1914г., при начале мировой войны Гамсун писал Лангену: «Все эти годы, задолго до войны я писал и говорил только дружелюбно о Германии, потому что я – германец!». Вспоминая обстрелы Копенгагена англичанами и оккупацию Дании во время Наполеоновских войн, экономическую блокаду Норвегии в 1812г., безжалостные бомбардировки беззащитной Александрии при захвате Египта и нежелание Англии предоставить независимость Трансваалю из-за огромных запасов золота и алмазов, Гамсун цитировал стихотворение Киплинга о бурах, в котором поэт призывал «вывести их, этих животных». Таким образом, в зрелый период писатель проникся мыслью о необходимости коренных преобразований демократического мира Европы, составной частью которой была Норвегия. Это впоследствии закономерно привело его к сближению с радикально-консервативными политиками, в действиях которых Кнут Гамсун увидел единственную возможность избежать окончательного упадка Европы.

15 декабря 1944г. эмиграционное правительство Норвегии в Лондоне приняло закон, по которому все члены национал-социалистической партии Квислинга /«Нашунал Самлинг»/ объявлялись изменниками и подлежали аресту. Обоих сыновей Гамсуна – Туре и Арилда арестовали через неделю после освобождения Норвегии. 26.05.45г. Марию и Кнута взяли под домашний арест. Через несколько дней ее отправили в тюрьму, а его 14.06 поместили в больницу, затем в психиатрическую клинику Осло. У писателя забрали часы, очки и бритвенный прибор, подвергнув мучительному допросу. Его, за пять лет опубликовавшего несколько писем в пронацистских газетах «Афтенпостен» и «Фритт Фолк» /«Свободный народ»/, сочли изменником родины.

В книге «По заросшим тропам» Гамсун писал: «Год 1945-й. 26 мая начальник полицейского участка Арендала явился в Нёрхольм и объявил, что берет мою жену и меня под домашний арест – на тридцать дней. Я предупрежден не был... 14 июня меня увезли из дому в гримстадскую больницу; жену мою за несколько дней до того отправили в женскую тюрьму в Арендале... В больнице молоденькая медсестра спросила меня, не хочу ли я прилечь – дело в том, что «Афтенпостен» сообщила, будто здоровье мое «пошатнулось и я нуждаюсь в уходе». Благослови вас Бог, дитя, сказал я, в вашу больницу не поступало человека здоровее меня, я всего-навсего глух! Наверное, она приняла это за бахвальство. Она не поддержала разговор. Да, не захотела со мной разговаривать. И пока я находился в больнице, так же вели себя, хранили молчание все медсестры. Единственным исключением была старшая сестра – Мария... Полицейский, доставивший меня сюда, предупредил, что я не должен выходить «за порог этой комнаты»...

«23 июня меня отвезли к следователю. Следователь Стабель одержим ненавистью к Германии и верует – вера его с горчичное зерно – в благородное и неотъемлемое право союзников уничтожить и стереть с земли немецкую нацию... Он спросил меня, что я думаю о национал-социалистах, с которыми встречался здесь в Гримстаде. Я ответил, что среди них были люди много лучше меня... В целом получалось, что я чересчур хорош, чтобы участвовать в нацистском заговоре... А как я отношусь к злодеяниям немцев в Норвегии, о которых мне стало теперь известно? Поскольку начальник полиции запретил мне читать газеты, я ничего об этом не знаю. Вы не знали об убийствах, пытках, терроре? Нет. До меня доходили смутные слухи перед моим арестом... Как по-вашему, немцы культурный народ? Я не ответил. Он повторил

вопрос. Я посмотрел на него и ничего не сказал. «Будь я начальником, я бы разрешил вам читать все газеты. Ваше дело откладывается до 22 сентября».

31 октября Кнуту Гамсуну вновь предложили высказать мнение о национал-социализме, и он ответил: «Прекрасно, что они смогли вести войну, не заняв ни одного зре». Ему нравилась дисциплина, которая царила в Германии. Ничего похожего на забастовки лондонских докеров там не могло произойти. Затем Гамсун сказал, что ему неизвестно, была ли в Германии духовная тирания, и что он никогда не нападал на евреев, /это была правда/. Лишь однажды, в книге «Бродяга» писатель создал отталкивающий образ еврея. Писатель признал свою ответственность за пронемецкие публикации: статьи «Ответ Кнута Гамсуна на два вопроса» и «Вот опять» с предупреждением молодежи о бессмысленности бороться с такой мощной силой, как немцы, а также за воззвание «Норвежцы» с призывом: «Бросайте оружие и ступайте домой!». Потом он сказал, что 98% ненавидят немцев только за то, что они немцы и любят англичан за то, что они англичане. «Пусть меня расстреляют или делают со мной что угодно! Я не боюсь, что моя жизнь оборвется!».

Сыну он говорил в палате, озираясь и дрожа: «Ты себе не представляешь... Это ад». В его чемодане рылись и привели в беспорядок все записи. Где были его друзья? Например, Виллац Хольмсен? Дружба с классиком датской литературы Й.В. Йенсенем /1873-1950/ оборвалась еще раньше, после ссоры в Осло, где они обсуждали Муссолини и Гитлера. После войны Йенсен выбросил стихотворение в честь Гамсуна из своего сборника. Его упрекал поэт-антифашист Вильденвей, осужденный в 1933г. за богохульство. Но некоторые проявляли мужество. Старый друг Гамсуна литератор Кристиан Гиерлефф /1878-1962/ бесстрашно посещал его в больнице, добывая всевозможные оправдательные материалы, когда пресса особенно яростно поносила писателя. – Гиерлефф во время войны не был сторонником Германии, но считал, что главной причиной возбуждения уголовного дела против Гамсуна стала не измена родины, а ненависть к Англии, доминировавшей над эмигрантским правительством. Много сделала для писателя Сигрид Страй /1893-1978/ – председатель Национального совета женщин в Норвегии в 1938-46гг. и адвокат Гамсуна на протяжении всей его жизни.

Норвежским врачам, настроенным против писателя, он подробно объяснял свое поведение. Гамсун сказал, что королю Норвегии следовало остаться в стране, как это сделал датский король. Сам он – сторонник патриархальной системы и не понимает социализма. «Даже крепостничество в России – это не самое страшное... Мы ведь слышали, что многие крепостные любили своих господ, особенно их детей. Когда крепостных освободили, старики совсем потеряли почву под ногами», – рассуждал Гамсун. Обращаясь к политике, писатель сказал, что как только великие державы немного оправятся, непременно будет новая война. Врачи констатировали у него хорошую и правильную речь, очень точные выражения, много типично гамсуновских оборотов и никаких дефектов памяти. Держался Гамсун просто и естественно, не проявляя в разговоре никаких признаков чувствительной несдержанности. «Психические заболевания или наследственные недуги в моем роду исключаются. Это были здоровые душой и телом крестьяне», – сказал писатель. На вопрос об отношении к религии он ответил: «Я не безбожник, но как все мои знакомые и друзья, равнодушен к вопросам религии... Я почти не молюсь Богу, но бываю горячо благодарен ему, когда он милостиво спасает меня от чего бы то ни было».

В беседе с главным врачом Лангфельдтом Гамсун был в меру откровенен и говорил важные вещи. – В национал-социалистическую партию Норвегии /«Нашунал Самлинг»/ он не подавал заявления и не платил членские взносы, однако носил партийный значок. «Но в той искусственной ситуации, – сказал Гамсун, – я бы не вступил также и в отряды саботажников Пола Берга» /«борцы сопротивления» – И.Б./ и не дал бы властям повода смотреть сквозь пальцы, как по всей Норвегии уничтожается всё живое и всё имущество». «Я понимал по-своему, что члены «Нашунал

Самлинг» группировавшиеся вокруг Квислинга, горячо пропагандировавшего «великогерманское государство», сотрудничали с «врагом»... Это хорошо, – думал я. – «Великогерманское государство» – это ведь не только Германия и Австрия, но также вся Скандинавия и Англия, и пограничные страны, и в этом государстве Норвегия займет достойное и почетное место, которого ее лишили,... и мы получим обратно наши колонии – Гренландию, которую датчане отобрали у нас по Кильскому договору 1814г., и остров Шпицберген, который у нас отняли русские. Это замечательно! – думал я. «Нашунал Самлинг» трудится над идеальным планом, и будущее Норвегии обеспечено!».

В результате обследования два ведущих врача – Эдегорд и Лангфельдт – в Заключение от 05.02.46г. отвергли версию о душевной болезни Кнута Гамсуна, который покинул клинику трясущимся и сломленным человеком. Понадобился целый год, чтобы он относительно пришел в себя. В доме для престарелых Гамсун возобновил работу, начатую там раньше, до переезда в психиатрическую клинику. Его жена всё ещё сидела в тюрьме !/!, но писателя навещали дети и внуки. Власти решили не возбуждать уголовного дела против Гамсуна. Газеты выразили протест, и писатель был с ними согласен. – Ему был безразличен любой возможный приговор.

23 июля 1946г. Кнут Гамсун отослал письмо из Людвигского дома для престарелых в Гримстаде. – **Господину генеральному прокурору, Осло:** «После нескольких переездов в течение прошлого лета меня поместили 15 октября в Психиатрическую клинику в Осло... Я был старым и глухим, но вполне здоровым и бодрым, когда меня отторгли от нормальной жизни и работы и заточили туда... Вы могли вызвать меня к себе и побеседовать со мной – Вы этого не сделали. Вы даже не удосужились запастись медицинским заключением, где бы говорилось о необходимости поместить меня в клинику». Диагноз местного врача – «чуть повышенное давление». «Я оказался в неволе и месяц за месяцем терпел принуждение, насилие, запреты, пытку, инквизицию... Я предпочел бы десять раз отбыть заключения, закованный в кандалы, в обычной тюрьме, чем подвергнуться пытке совместного пребывания с этими более или менее душевнобольными в Психиатрической клинике. Однако мое пребывание там затянулось».

Профессор нещадно пытал от писателя признание. Гамсун всё писал и писал при плохом свете, потому что был глух. Зрение его слабело, «но я писал – для того, чтобы знание и наука не споткнулись на мне». Месяцами он отвечал на одни и те же вопросы профессора. Наконец, профессору переслали три письма Гамсуна пятидесятилетней !/! давности, в которых не содержалось ничего, что бы могло дурно характеризовать писателя. «Напротив, там рассказывалось, как скверно обошлась со мной полиция... И опять мне пришлось заняться писаниной... Давнишний случай послужил поводом еще немного меня помучить. Я и на этот раз всё преодолел, но последние недели продержался исключительно за счет внутренних ресурсов. Когда меня отыскал мой друг и забрал оттуда, я был как желе. Ну и что же из всего этого вышло?... Следователь привлекает двух специально подобранных психиатров. Меня возят туда и обратно через всю страну под охраной полиции. Рекламируется посещение иностранцев: им должны показать зверя, который содержится взаперти. Потрачены четыре месяца, чтобы наклеить ярлык на каждое мое мыслимое душевное состояние... И вот, наконец, приговор: *я не являюсь и никогда не был душевнобольным, но мое душевное здоровье пошатнулось*».

Далее Гамсун упрекнул генерального прокурора за то, что тот не передал дело в суд: «Меня не устраивает перспектива провести остаток своих дней в качестве амнистированного Вами лица, не отвечающего за свои поступки. Вы, господин прокурор, выбили из моих рук оружие». Гамсун писал прокурору, что «в ходе следствия и позднее он неизменно признавал себя виновным за свои действия и ожидал решения суда». После вердикта прокурора он отказался от плана передать дело на суд присяжных, так как «даже в случае положительного исхода я предвижу закручивание

гаек общественного мнения. Я снова стану подопытным кроликом». – Так же как и в процедурах Нюрнбергского трибунала, в данном случае объективные свидетельства в пользу преследуемого мало что значили. Решение было predetermined незаконными методами ведения следствия и предвзятым отбором свидетелей. В результате настояния «общественности» 16.12.47г. всё же состоялся окружной суд над Гамсуном, и он был осужден по закону с обратной действующей силой вопреки протесту постоянного председателя суда, присяжного поверенного Эйде /!/, который не считал доказанным, что Гамсун был членом национал-социалистической партии Норвегии. Но у двоих старых присяжных заседателей не возникло юридических сомнений на этот счет.

Стоит ознакомиться с выдержками из Судебного постановления по делу Гамсуна от 19.12.47г.: «Уже 23.04.1940г. в письме к редактору «Натионен», опубликованному во «Фритт Фолк», Гамсун писал: «Правительство знало, что мы не можем защитить себя, но отдало приказ о мобилизации и сбежало. И теперь норвежская молодежь гибнет за правительство. Но нам есть чем занять молодых людей, кроме как заставлять их участвовать в забастовках и умирать за правительство Нюгордсволда». 04.05.40г. в этой же газете Гамсун в статье «Норвежцы» призвал норвежских солдат «отбросить винтовки и вернуться домой». В письме /август 1940/ он назвал короля и его правительство «идиотами и преступниками». Здесь же Гамсун утверждал, что необходимо новое норвежское правительство во главе с Квислингом.

В ряде газетных статей во время оккупации писатель неоднократно выступал в поддержку Германии и правительства Квислинга и нападал на союзников Норвегии. 30.01.1941г. в «Гримстад Адреслитиденде» он выразил уверенность, что все изменения в стране пойдут на пользу Норвегии и Германии, что вскоре на Севере наступит расцвет культуры, построенный на немецких взглядах и убеждениях». После оккупации Франции Гамсун выражал уверенность, что Германии удастся сохранить позиции на Западном фронте, и что это единственное спасение для европейских народов». – Он смертельно боялся коммунистов и мечтал о Великой германской империи на территории всей Европы.

По поводу пребывания писателя в рядах национал-социалистов Постановление зафиксировало: «Гамсун не посылал заявления о принятии его в «Нашунал Самлинг». Но в картотеке партии он числится под номером 26000 и приписан к Роголандской и Агдерской районной организации 41-го округа Эйде. Этот номер зарегистрирован 22.12.1940г. и впоследствии оставался личным номером Гамсуна. В октябре 1941г. писатель заполнил анкету пресс-бюро «НС» и ответил на вопрос, что побудило его стать членом партии. Ответ опубликован 14.10.41г. в «Гримстад Адреслависсен» под названием «Почему я стал членом «Нашунал Самлинг». Там Гамсун писал: «Благодаря своему здоровому крестьянскому сознанию и способности избирать верный путь, а также интуиции, я стал человеком Квислинга. И я являюсь им вот уже много лет». «Известно, что 15.01.42г. он заполнил и отослал анкету местному отделению партии в Арендале. В анкете были вопросы о принадлежности к ложе масонов, еврейском происхождении и т. д... Гамсун присутствовал на некоторых партийных заседаниях в Гримстаде. Во время войны председатель отделения партии в Гримстаде вручил ему знак «НС», который Гамсун носил до конца войны. Членского билета у него не было, и взносы он не платил... 17.05.43г., в день независимости Норвегии газеты опубликовали поздравления Гамсуна в адрес «Нашунал Самлинг» в связи с десятилетием партии».

«В статье 31.03.43г. в «Вестландске Тиденде» под заголовком «Я призываю студентов присоединяться к нам» Гамсун пишет о том, «что значит «НС» для нашей страны и что мы сделали, чтобы стать свободным и великим народом в Европе нового порядка – так неужели наши студенты не услышали этот призыв?... Неужели наши студенты не усвоили то, что глава нашего правительства Квислинг и все наши министры годами нам вдалбливали?».

Гамсуну также поставили в вину посещение летом 1943г. Венского конгресса национал-социалистической прессы, организованного «Объединением национальных журналистских обществ». В нем участвовали ведущие журналисты Германии и оккупированных стран. Поездка была совершена по инициативе главного редактора «Фритт Фолк» Рисховда, также участника конгресса. Рисховд зачитал написанную Гамсуном речь с агрессивными выпадами против Англии. – /Презрение к этой стране не оставляло его всю жизнь. Дочери Виктории он сказал: «Если ты выберешь своего англичанина, то можешь не рассчитывать на меня в будущем» – И.Б./ Поездка Гамсуна на Конгресс широко освещалась в национал-социалистической прессе.

В конце 1948г. Верховный суд вынес окончательный приговор, и разорение Кнута Гамсуна стало фактом. До последних дней писатель сохранял удивительную ясность ума. Доказательство этому – книга воспоминаний «На заросших тропах» /1949г./, которую критика назвала «по-прежнему живой, сжатой и яркой». В ней есть лирические картины, написанные с большим мастерством. Книга состоит из небольших отрывков, в которых Гамсун проявил себя истинным поэтом. Он говорил сыну Туре: «Последнее, что во мне умрет – это мозг». После нескольких лет размолвки с женой, вызванной ее доверительными беседами с тюремным врачом, о которых он затем поведал прессе, Мария вернулась к Гамсуну. Несмотря на попытки подвергнуть писателя длительному остракизму, к нему шел поток анонимных писем с выражением благодарности за его книги. – «Общество», осуждавшее Гамсуна за «коллорабационизм», было меньшинством норвежского населения – этим вечно демократическим меньшинством. – Гамсуна посетил его немецкий издатель Вальтер Лист, известный шведский фотограф Гуллерс... Кнут Гамсун умер 19 февраля 1952г. в возрасте 93 лет.

В 1959г., когда стихла искусственно вызванная волна возмущения прошлой активностью писателя, Норвегия отметила столетие со дня рождения Гамсуна. Его произведения рассматривают теперь как значительные ценности мировой культуры, а его имя украшает европейскую литературу XX века, наряду с именами Герхардта Гауптмана, Селина, Бернарда Шоу и ряда других творцов, чьи книги почитаются, несмотря на их сочувственное отношение к правому радикализму ушедших лет.

Не случайно эти крупные личности верили в идеи, которые представляли Муссолини и Гитлер. Многие из них сохранили симпатии и после крушения Третьего Рейха, не сожалея о своем поведении в 30-40-е годы /Селин, Элиаде, Монтерлан, Чоран, Э. Паунд, Хайдеггер, Клагес, лауреаты Нобелевской премии – физики Ф. Ленард, Й. Штарк.../. Другие вынуждались к сокрытию своих взглядов, пробивавшихся, однако, в их творческой работе /крупные ученые – Турнвальд, В. Мюльман.../. Среди тех, кто охотно работал на оккупационные режимы, но после, выказав политическую беспринципность, с удовлетворением окунулся в демократическую атмосферу, были известные писатели и ученые – Ганс Фаллада, Ромен Роллан, Ф. Жолио-Кюри... Особую группу составляли лица, первоначально очарованные национал-социализмом но под влиянием череды драматических событий уклонившиеся от прежних взглядов, /Готфрид Бенн, Томас Манн.../. Классификацию можно продолжить, указав на видных персон, не обращавших внимания на всевозможные политические перемены и продолжавших спокойно работать в своих областях /философ Габриель Марсель, знаменитый физик Макс Планк.../

В отличие от Эзры Паунда, подвергавшего уничтожающей критике американскую плутократию, используя приемы национал-социалистической пропаганды, Кнут Гамсун в романе «На заросших тропах» выразил сожаление о своем прошлом поведении. Но, вызванное психологическим надломом, оно не может быть признано свидетельством искреннего отречения. Немошная демократия, как следовало ожидать, оказалась не способной породить твердый отказ от консервативных настроений у творцов мировой культуры. Кнута Гамсуна в его лучших произведениях сравнивают по психологической глубине сочинений с Достоевским, а по общественно-

политической смелости – с Константином Леонтьевым. Эти параллели с виднейшими русскими именами не случайны. Они подтверждаются безошибочным и острым видением геополитического единства Германии и России, представленного в трудах Гамсуна, прежде всего в публицистике.

Выходец из крестьянской среды, Кнут Гамсун прошел все стадии преобразования из подростка, ведущего тяжелую трудовую жизнь, в духовного аристократа, никогда не забывавшего, чем он обязан многолетнему опыту общения с простыми людьми. Поэтому его произведения стали достоянием крестьянина и рабочего, интеллектуала и национального политика. Совершенство и силу книг Кнута Гамсуна признали и те, кто отверг политический радикализм великого норвежца, мечтавшего увидеть Европу вместе с Россией самостоятельной, объединенной и сильной.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).